

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327.7

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики

Евгений Сергеевич Гореликов ✉

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru

Аннотация. Проблема исследования заключается в системном кризисе институциональной архитектуры миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций, который выражается в отходе от фундаментальных принципов беспристрастности и нейтралитета, нарушении суверенитета государств под предлогом гуманитарных интервенций, а также в использовании миротворческих механизмов для реализации геополитических стратегий «коллективного Запада». Данный кризис актуализирует необходимость поиска альтернативных концептуальных моделей обеспечения международной безопасности и постконфликтного урегулирования, которые бы соответствовали национальным интересам Российской Федерации. Основные научные результаты исследования включают критический анализ деструктивных практик миротворческой деятельности ООН, обобщение обширного и легитимного опыта российской миротворческой деятельности за пределами структуры ООН, а также моделирование потенциальных сценариев постконфликтного урегулирования на юго-западе России с учетом современных геополитических реалий. Выводы исследования свидетельствуют о том, что в условиях современной биполярной конфронтации прямое применение моделей миротворческой деятельности ООН для урегулирования конфликтных ситуаций в новых регионах Российской Федерации представляется маловероятным и контрпродуктивным. Перспективным направлением видится развитие альтернативных, незападных механизмов миротворчества, основанных на принципах регионального сотрудничества,

синергии позитивного отечественного и международного опыта (ШОС, БРИКС, АСЕАН), а также концептуального оформления новой парадигмы миротворческой деятельности, обеспечивающей легитимность и соответствие национальных интересов Российской Федерации. Исследование подчеркивает необходимость переосмысления существующих подходов к миротворческой деятельности в контексте новых глобальных вызовов и угроз, а также разработки инновационных стратегий, способствующих укреплению международной безопасности и постконфликтному урегулированию в интересах суверенных государств.

Ключевые слова: миротворчество, постконфликтное урегулирование, региональные организации, интервенция, легитимность, национальные интересы

Для цитирования: Гореликов Е.С. Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 132-145, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

The World Peacemaking Experience: Analysis and Prospects for the Russian Foreign Policy

Evgeniy S. Gorelikov ✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru

Abstract. The problem of the study lies in the systemic crisis of the institutional architecture of the United Nations peacekeeping activities. This is expressed in a departure from the fundamental principles of impartiality and neutrality, violation of the sovereignty of states under the pretext of humanitarian interventions, as well as the use of peacekeeping mechanisms for implementing the geopolitical strategies by the collective West. This crisis highlights the need to find alternative conceptual models for ensuring international security and post-conflict settlement that would meet the national interests of the Russian Federation. The main scientific results of the study include a critical analysis of the destructive practices of UN peacekeeping, a generalization of the extensive and legitimate experience of Russian peacekeeping activities outside the UN structure, as well as modeling potential scenarios for post-conflict settlement in Southwestern Russia, taking into account modern geopolitical realities. The findings of the study indicate that in the context of modern bipolar confrontation, the direct application of UN peacekeeping models to resolve conflict situations in new regions of the Russian Federation seems unlikely and counterproductive. A promising direction is the development of alternative, non-Western peacekeeping mechanisms based on the principles of regional cooperation, synergy of positive domestic and international experience (SCO, BRICS, ASEAN), as well as the conceptual design of a new paradigm of peacekeeping activities

that ensures legitimacy and compliance with the national interests of the Russian Federation. The study highlights the need to rethink existing approaches to peacekeeping in the context of new global challenges and threats, as well as to develop innovative strategies that contribute to strengthen international security and promote post-conflict resolution in the interests of sovereign states.

Keywords: peacemaking, post-conflict settlement, regional organizations, intervention, legitimacy, national interests

For citation: Gorelikov E.S. The World Peacemaking Experience: Analysis and Prospects for the Russian Foreign Policy. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 132-145, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Введение

Миротворческая деятельность остается одним из ключевых инструментов поддержания международной безопасности и постконфликтного урегулирования. Однако практика ООН в этой области накопила большое количество деструктивных механизмов, создающих предпосылки негативных для России сценариев. С другой стороны, Россия имеет богатый опыт эффективного и легитимного миротворчества вне рамок ООН. Целью статьи является проведение анализа мирового опыта миротворчества и последующий его синтез в наиболее выгодном для России сценарии постконфликтного урегулирования в новых регионах.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили: сравнительно-исторический анализ, сравнительно-правовой анализ, институциональный подход, кейс-стади и сценарное моделирование. Эмпирической базой выступили международно-правовые документы, резолюции Совета Безопасности ООН, нормативно-правовые акты Российской Федерации, публичные заявления официальных лиц. В статье использованы научные работы современных отечественных и зарубежных авторов по проблемам миротворчества, международного права и внешней политики.

Результаты исследования

Одной из знаковых черт современной проблематики миротворчества является неопределенность характеристик миротворческой деятельности, что создает благоприятные условия для проведения под ее предлогом практически любой военной или гуманитарной операции. Трудности связаны с отсутствием четкого определения самого термина «миротворчество» [9, с. 17]. Вместо этого используются близкие по значению понятия, образуемые путем различных сочетаний слов

– «войска», «силы», «роль», «участие», «вопросы», «меры», «рекомендации», «дело» – с термином «поддержание или восстановление международного мира и безопасности», взятым из Устава ООН. В конце концов, миротворчество выстроилось как практика интерпретации глав VI и VII Устава ООН с явными и подразумеваемыми возможностями, исходя из узкогрупповых интересов стран, без учета положений международно-правовых документов.

Отсутствие прямого указания на миротворчество в Уставе ООН и отсутствие официальной доктрины миротворчества ООН с течением десятилетий придавали изначально заданной идее следующие характерные черты.

На концептуальном уровне одним из примеров расширительного толкования миротворческой деятельности ООН стала концепция human security как разработка тематики безопасности общества и человека. Фигурируя в документах ООН как «адекватный ответ на возникновение новых, трансграничных угроз, распространение внутренних и межгосударственных конфликтов», при своем широком содержании концепция представляет собой предлог для инициирования любой интервенционистской акции. Кроме того, США и НАТО часто ссылаются на концепцию «ответственность защищать», которая создала новую правовую основу для использования силы с целью обоснования военного вторжения, став мощным инструментом влияния западного сообщества [1, с. 425].

На практическом уровне имеет место расширительное толкование резолюций. Так, резолюция ООН 1441 по Ираку не давала прямого разрешения на вторжение, которое произошло в 2003 г. Военная интервенция в Боснию и Герцеговину (1992–1995 гг.): хотя в Боснии и Герцеговине действовали силы ООН (UNPROFOR), которые формально выполняли миротворческую миссию, их возможности были ограничены и они не могли эффективно предотвратить этнические чистки и массовые убийства. Решающую роль в прекращении войны сыграли воздушные удары НАТО по позициям сербских войск, которые, по сути, были военной интервенцией, хотя и осуществлялись под предлогом защиты мирного населения и создания условий для мирного урегулирования [3, с. 123].

Дискурсивная гегемония – основной нематериальный элемент структурной власти Запада в сфере миротворчества. «Коллективный Запад» контролирует дискурс, смыслы, убеждения, устанавливая и регулируя нормы и ценности, в том числе отраженные в учебных материалах и стандартах подготовки «голубых касок», а значит, и целеполагание [6, с. 40].

Поскольку важнейшие посты на всех уровнях системы формирования решений ООН остаются за Великобританией, Францией и США, через ООН эти страны обеспечивают продвижение интересов «коллективного Запада», используя человеческий потенциал незападных стран.

В 2000-е гг. ряд миротворческих миссий превратился в прямые силовые инструменты нового неокOLONIALИЗМА, а некоторые из них стали выполнять функции охраны террористических групп от военных и полицейских операций правительств соответствующих государств, например, в Мали [1, с. 423].

Планомерно искажая первоначальный характер миротворческой деятельности, западные коалиции часто действовали без санкций ООН, но при этом критиковали другие страны (например, Россию за Украину), что демонстрирует двойные стандарты и отсутствие беспристрастности.

Влияние геополитических противоречий нередко парализует деятельность ООН, что на практике урегулирования региональных кризисов выражается в долгих процедурах принятия решений и их компромиссном характере, зависимости от политической конъюнктуры, дисбалансе национальных и групповых интересов стран, отсутствии потенциала быстрого реагирования и сил постоянной готовности ООН. Примером этого является промедление в принятии решений Советом Безопасности ООН, приведшее к геноциду в Руанде в 1994 г. и в Сребренице в 1995 г.

Произошли секьюритизация международной помощи (секьюритизация подрывает гуманитарные принципы и превращает помощь в инструмент внешней политики) и стирание грани между программами международного развития и поддержкой вооруженной оппозиции. Например, в 2014 г. США, Великобритания, Франция, Германия Турция, Саудовская Аравия, Катар и Иордания предоставляли продовольствие и медикаменты, а также оказывали тренировочную, финансовую, военную и дипломатическую поддержку некоторым группировкам «умеренной оппозиции», воюющим против вооруженных сил Сирии.

Рост количества спорных, но реально существующих неформальных альтернативных механизмов мировой политики, например, различных коалиций, с целью ускорить принятие какого-либо решения в обход международных структур и без прямого мандата ООН.

Неоднозначность самого понятия «миротворчество» и различия в понимании его смысла также сыграли немалую роль в возникновении споров о «вмешательстве». Одни исследователи отождествляют вмешательство с военной интервенцией, другие – с дипломатическим давлением, применением политических или экономических санкций. Существует множество примеров, когда военное вмешательство преподносилось как миротворческое, но вызывало серьезные вопросы о его истинных целях и соответствии данным принципам, поскольку миротворчество подразумевает мандат, нейтральность и процедурность. Эти примеры прослеживаются практически с самых первых лет после создания организации.

В качестве общих черт военных интервенций без резолюции ООН и региональных организаций можно выделить:

- являются инструментом силовой политики в обход ООН;
- становятся возможными при отсутствии единства в СБ ООН при политической воле ключевых держав;
- фактически нарушают суверенитет и вмешиваются во внутренние дела других стран;
- проводятся под формальным предлогом с ритуальной миротворческой риторикой и расплывчатыми формулировками: «защита демократии», «защита

граждан», «борьба с тиранией», «гуманитарная помощь», «дружественная помощь», «поддержка законного правительства (союзников)», «борьба с угрозами», «предотвращение гуманитарных катастроф» и т.п.;

- обладают совершенно иными реальными мотивами: геополитическое влияние, контроль над ресурсами, смена режима, продвижение собственных интересов, предотвращение распространения идеологии;

- размывают границу между миротворчеством, поддержанием мира, принуждением к миру и военным вмешательством;

- при недостаточной оценке местных условий повышают риск долгосрочных негативных последствий для страны – объекта интервенции: жертвы, разрушения, политическая нестабильность, затяжные конфликты;

- поскольку проводятся без резолюции ООН, являются нарушением международного права (ст. 2(4) Устава ООН о неприменении силы)¹. Однако сильные державы действуют исходя из своих интересов, что подрывает авторитет ООН и создает прецедент для других стран.

Несмотря на описанные негативные закономерности и тенденции, ООН на протяжении десятилетий накопила богатый диапазон способов постконфликтного урегулирования:

- модели: временное управление ООН, прямая администрация, наблюдатели;
- различные процедуры проведения выборов;
- программы по разоружению, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов;
- программы экономической реабилитации и восстановления экономики;
- восстановление институтов правосудия;
- использование гуманитарных программ.

В российском законодательстве относительно миротворчества используется термин «деятельность по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», что соответствует термину из Устава ООН, и раскрывается его содержание: «Участие военного и гражданского персонала в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности может включать наблюдение и контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и других враждебных действий, разъединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование их подразделений, производство инженерных и иных работ, содействие в решении проблемы беженцев, оказание медицинской, иной гуманитарной помощи, выполнение полицейских и других функций по обеспечению безопасности населения и соблюдению прав человека, а также ведение в соответствии с Уставом ООН международных принудительных действий»².

¹ United Nations Charter (full text). URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>.

² Статья 3 Федерального закона «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23.06.1995 № 93-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6959/.

Российская Федерация имеет богатый опыт введения военных миротворческих контингентов для поддержания или восстановления международного мира и безопасности без прямого мандата ООН, но при этом, в отличие от других государств, с использованием следующих легитимных оснований:

1) по приглашению / обращению за помощью законного правительства страны (Афганистан, 1979 г., Таджикистан, 1992 г., Сирия, 2015 г.³, ЦАР, 2018 г.⁴ и Мали, 2019 г.⁵);

2) в рамках региональных организаций и договоренностей (Приднестровье, 1992 г., Абхазия, 1992 г., Южная Осетия, 2008 г., Нагорный Карабах, 2020 г., Казахстан, 2022 г.); при этом Устав ООН не только допускает, но и поощряет региональные инициативы по урегулированию конфликтов (ст. 33, 52)⁶;

3) предотвращение гуманитарной катастрофы, защита соотечественников, защита национальных интересов (Кыргызстан, 2010 г., Крым, 2014 г.);

4) Приштинский марш-бросок (1999 г.) стоит особняком как одностороннее решение, без прямого мандата ООН, но с опорой на резолюцию 1244⁷; является примером альтернативного подхода к международному урегулированию с демонстрацией силы и независимой позиции.

Анализ опыта российского миротворчества позволяет выделить его ключевые особенности. Преимущества:

- приоритет стратегических национальных интересов с опорой на региональные организации (ОДКБ, СНГ) как инструмент обеспечения безопасности в регионе и укрепления своего лидерства;

- поддержка существующих властей и невмешательство во внутренние дела, если это не угрожает интересам Российской Федерации [5, с. 310];

- ограниченность масштаба операций и недолгосрочное военное присутствие;

- действия с реальным результатом: неперерастание в масштабную войну, прекращение огня и создание условий для диалога;

- опора на гибкие формулировки («антитерроризм», «защита соотечественников», «региональная стабилизация»), локальные соглашения и демонстрация силы как факторы переговорного давления [10, с. 165].

Недостатки:

- российское миротворчество вне ООН эффективно в краткосрочной перспективе, но часто ведет к замороженным конфликтам и институциональной изоляции конфликтных зон из-за отсутствия международного признания;

³ Асад обратился за военной помощью к России // Медиагруппа «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201509301122-v1gz.htm>.

⁴ Шойгу подписал соглашение с ЦАР о военном сотрудничестве // Медиагруппа «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201808211403-rcx2.htm>.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57592/.

⁶ United Nations Charter (full text). URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>.

⁷ United Nations Resolution 1244. URL: <https://unmik.unmissions.org/united-nations-resolution-1244>.

- хотя Россия старается учитывать мнение международного сообщества и избегать действий, которые могут вызвать серьезную критику, однако без прямой резолюции Совета Безопасности ООН так или иначе снижается их легитимность;

- при осуществлении миротворческих операций не уделялось должного внимания работе с общественным мнением, не предпринимались попытки социально-культурного воздействия на население [9, с. 127].

Сравнительный анализ миротворчества без мандата ООН показал большую приверженность России легитимности и свободному волеизъявлению правительств стран, куда вводятся контингенты, в отличие от других стран и коалиций.

Вместе с тем экзистенциальный кризис миротворчества ООН происходит на фоне современных геополитических тенденций установления нового баланса влияния между двумя международными коалициями – «коллективного Запада» (США, НАТО, ЕС) и «коллективного не-Запада» во главе с РФ и КНР (также члены ШОС, ОДКБ, в зоне притяжения – большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки) [2, с. 90]. Таким образом, создается потенциал для реформирования системы ООН в контексте «конфликтной биполярности», хотя страны «коллективного Запада» все еще обладают целым арсеналом инструментов влияния в системе ООН. Скорее всего, после завершения «властного транзита» и выхода на стратегическую стабильность уже в рамках «новой биполярности» будут институционализированы постзападные механизмы обеспечения глобальной безопасности. Новые нормы позволят зафиксировать изменившееся соотношение сил и на какое-то время остановить силовое противостояние. Формирование незападного миротворчества (как антитезы либеральному западному) во многом зависит от его качественной концептуализации, и выработать эти концептуальные основы необходимо уже сегодня. Для России направления смены парадигмы в области миротворчества могут быть следующие:

1. Необходимо учитывать, что все усилия западных специалистов имеют стратегические ориентиры, нацелены на долгосрочную перспективу, а не на сиюминутную отдачу. По аналогии нужна разработка долгосрочной стратегии по поддержанию мира и обеспечению безопасности, с четким определением понятий, терминов, категорий, оптимальных форм и методов миротворчества с учетом опыта ООН и российского.

2. При снижении роли ООН как глобального провайдера безопасности наблюдается переход к «ограниченному миротворчеству» и операциям «с наименьшим общим знаменателем», то есть с минимальной по политическим задачам силовой составляющей, относительно которой вырабатывается консенсус среди западных и незападных стран. Логично поэтому продолжение развития регионального сотрудничества. Для России история постсоветских конфликтов – это в равной степени как хроника кризисов, так и пример и источник специфического миротворчества [4, с. 123]. В данном контексте представляют интерес нормативные и ценностные подходы, а также практики, апробированные в рамках АСЕАН («мягкая сила», диалог и долгосрочное личное доверие), ШОС (гибридная модель миротворчества: антитеррор, экономика, превентивные меры, дипломатия

давления), Африканского союза (советы старейшин, минимизация влияния внешних игроков, вовлеченность, быстрое реагирование), БРИКС (не силовая стабилизация, а долгосрочное влияние через развитие экономики, дипломатию, антисанкционную политику).

3. Усилия через региональное миротворчество могут послужить импульсом к решению проблем реформирования системы ООН в целом и миротворчества ООН в частности, к формированию новой жизнеспособной модели общеевропейской безопасности и, возможно, в будущем – получению статуса легального арбитра-миротворца на постсоветском пространстве [8, с. 188].

4. В контексте миротворчества отдельный интерес представляет отечественный и зарубежный опыт в области диверсификации функций военных ведомств, а именно – частных военных компаний. Возможно, стоит рассмотреть вариант определения на законодательном уровне их статуса как инструмента миротворческой деятельности с акцентом на определении функций контроля со стороны государства.

В современном контексте для того, чтобы выработать наиболее приемлемый сценарий постконфликтного урегулирования на юго-западе России, прежде всего необходимо исключить неприемлемые варианты. Итак, как негативные и неприемлемые видятся следующие сценарии:

1) заморозка конфликта с Украиной – временное перемирие без окончательного решения (как в Корее или Приднестровье);

2) создание буферной зоны с помощью западных войск; если НАТО введет «миротворцев» в западные регионы Украины, это лишит Россию возможности продолжать военное продвижение без риска эскалации и вовлечения в боевые действия стран НАТО;

3) частичное признание новых областей как «временно оккупированных территорий» под международным управлением (как Косово с 1999 г.); при таком сценарии могут быть введены временные администрации ООН или ОБСЕ, формально не передавая территории Украине, но и не признавая их российскими;

4) гуманитарные миссии как инструмент давления: ООН, Красный Крест и западные НПО получают доступ к новым регионам под предлогом помощи, но фактически собирают данные о военных объектах, нарушениях прав человека и настроениях населения; на основе этих отчетов ужесточаются санкции или иницируются трибуналы;

5) гибридная война под прикрытием миротворцев; если вдоль линии разграничения сторон разместятся наблюдатели ООН или ОБСЕ, то:

- миротворцы могут служить прикрытием для украинских диверсий;
- миротворцы могут прикрывать переброску украинских сил под видом гуманитарных операций;
- перемирие может быть использовано для перевооружения;
- перемирие может сковывать российские войска (невозможность активных действий без обвинений в «атаке на миротворцев», объявления действий ВСУ «защитой» т.д.);

6) при блокировании Россией невыгодной прозападной резолюции в СБ ООН (например, мандат миссии включает поддержку Украины в восстановлении контроля над частью территорий), миссия может быть создана в обход СБ ООН через Генассамблею ООН;

7) референдумы под международным контролем; если ООН или ЕС навяжут «легитимное голосование» на новых территориях, Россия либо откажется (и будет выглядеть агрессором), либо согласится и рискует потерять регионы ввиду вывода российских войск, доступа западных СМИ и наблюдателей, участия украинских партий в агитации, возможности фальсификации итогов.

Эффективность выбранного сценария постконфликтного урегулирования в рамках миротворчества будет сильно зависеть от легитимности мандата и реального контроля над территорией. Поэтому при моделировании наиболее выигрышного для России сценария проблемными могут оказаться некоторые вопросы:

1. Где будет проходить линия разграничения: по административной линии новых областей или по линии прекращения огня?

2. Какова позиция США:

- Каковы политические интересы США в связи с соглашением относительно ресурсов Украины?

- По предложению Президента США Д. Трампа, расходы на миротворческие операции ООН будут полностью исключены из американского федерального бюджета начиная с 2026 г.

3. Какова позиция «Коалиции желающих» по Украине?

В рамках данной коалиции допускается участие европейских стран в возможной миротворческой миссии на Украине. Главная повестка: нельзя прекращать мобилизацию Европы под предлогом сдерживания «российской экспансии», «предотвращение завоевания Европы».

4. Отсутствие международного признания новых территорий.

Поскольку ООН руководствуется резолюциями и решениями СБ ООН, санкционный режим и отсутствие признания делает официальное участие ООН в постконфликтном восстановлении новых регионов РФ юридически сложным, финансово невозможным и политически рискованным. В результате Россия вынуждена действовать в обход международных структур, что замедляет процесс реинтеграции и восстановления [7, с. 101].

При всем этом в настоящее время Российская Федерация обладает всеми возможностями как для переосмысления концептуальных подходов к постконфликтному урегулированию на новых территориях, так и уникальным шансом претворения их в жизнь.

На концептуальном уровне моделирование постконфликтного урегулирования должно включать:

1. Использование сильных и слабых сторон ООН, что потребует тонких, корректных и сбалансированных подходов.

2. Понимание, что вмешательство стран Запада на Украине – не монолитный процесс. Цели и действия западных стран относительно Украины и европейской безопасности в целом различаются, что создает пространство для дипломатического маневрирования в достижении российских интересов.

3. Преобразование положительного опыта отечественного миротворчества в современном контексте.

4. Концептуальную разработку действий в информационном пространстве. Фактор информационных технологий утвердился как новый вид оружия. Как видится, Россия информационно-пропагандистскому и когнитивному аспекту в электронных медиа уделяет недостаточное внимание, а борьба за умы и настроения населения (как новых регионов, так и Украины в целом) будет чрезвычайно востребована.

На практическом уровне:

1. Окончательный стабильный мир (с международными договоренностями и признанием).

2. Отсутствие контингентов НАТО на Украине как фундаментальный императив. С резкой критикой идеи отправить войска на Украину неоднократно выступал Министр иностранных дел России Сергей Лавров, что выражает официальную государственную позицию: «Появление на Украине войск из тех же стран НАТО, но под чужим флагом, флагом Евросоюза или национальным, неприемлемо. <...> цель этой коалиции – разогреть конфликта», – и отметил важность разговора о «первопричинах конфликта»⁸.

3. Допустимость наблюдательной миссии (за вооружением, за соблюдением условий перемирия, мониторинг настроений населения) в составе нейтральных (беспристрастных) наблюдателей.

4. Вместо интеграции Украины с ЕС и НАТО стоит стремиться возвращать Украину в зону российского экономического влияния, а также в систему региональной безопасности.

Выводы

Нынешняя практика реализации миротворческих задач демонстрирует весь спектр дисбалансов, присущих как самой ООН, так и нынешнему мироустройству. Гибкость Устава ООН является одновременно и силой, и слабостью: ООН остается ключевой площадкой, однако она функциональна, только если за ее решениями стоит реальная поддержка государств. Главная проблема Совета Безопасности ООН – его политизированность и зависимость от консенсуса.

По мере углубления конфликта между «коллективным Западом» и незападными странами, особенно обострившегося после начала СВО, говорить об использовании

⁸ «Коалиция желающих»: что это, страны-участницы и итоги саммитов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/base/11/04/2025/67f8e1729a7947a6c4e71d2b>.

вооруженных сил под эгидой ООН «в общих интересах» уже не представляется возможным.

Прямые модели ООН маловероятны из-за санкций и позиции Запада, поэтому постконфликтное урегулирование в новых регионах РФ, с наибольшей вероятностью, пойдет по иному сценарию с опорой на альтернативные институты. При этом механизмы и стандарты мирного урегулирования ООН дают универсальные уроки, но следует остерегаться их механического копирования. Перспективными исследованиями в этом отношении могут быть анализ роли доминирующих региональных держав – Китая, Индии и Турции – как новых акторов миротворчества.

Проработка всех вышеописанных ключевых звеньев – это возможность для России поддерживать ранг страны, меняющей и формирующей международные нормы в области миротворчества и миростроительства.

Список литературы

1. Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы [Non-Western Peacemaking as a Factor in a Multipolar World: Outlines of a Research Program] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3. С. 415–434.
2. Амара Д., Дегтерев Д.А., Эгамов Б.Х.у. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава [«Common Interests» in UN Peacekeeping Operations in Africa: An Applied Analysis of Personnel] // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2(71). С. 76–101.
3. Бигуаа Б.Г. Применение вооруженных сил в рамках превентивных миротворческих операций: Международно-правовые вопросы [The Use of Armed Forces in the Framework of Preventive Peacekeeping Operations: International Legal Issues]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2003. 194 с.
4. Гилимов С.К. Правовые проблемы предотвращения и урегулирования конфликтов на территории стран – участниц СНГ [Legal Problems of Conflict Prevention and Resolution in the Territory of the CIS Member States]: дисс. ... канд. юрид. наук: 23.00.04. М., 2003. 167 с.
5. Военное право: монография [Military Law: Monograph]. В 3-х т. / М.В.Конохов, В.М.Корякин, А.В.Кудашкин [и др.]; под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В.Кудашкина. Т. 1. М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 598 с.
6. Лямзин А.В., Еланцева Н.С., Николаев Ю.В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции [UN Peacekeeping Operations: The Main Directions of Evolution] // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 37–46.
7. Остапенко О.Ю. Конституционно-правовое регулирование межгосударственных отношений Российской Федерации [Constitutional and Legal Regulation of Interstate Relations of the Russian Federation]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2005. 218 с.
8. Романцов Е.А. Правовое положение подразделений военной полиции на территории иностранных государств [The Legal Status of Military Police Units on the Territory of Foreign States] // Законодательство военного времени: уроки прошлого и современные вызовы: сборник научных статей, Москва, 19 ноября 2021 г. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. С. 285–289.
9. Романчук С.И. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы [Peacekeeping Operations in the Post-Soviet Space: Conceptual Approaches]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 218 с.
10. Самойлов В.Д., Алимов С.Ю. Права и свободы ветеранов и участников боевых действий в Содружестве Независимых Государств (конституционные и законодательные аспекты): монография [The Rights and Freedoms of Veterans and Participants in Combat Operations in the Commonwealth of Independent States (Constitutional and Legislative Aspects): Monograph]. М.: Рускайнс, 2019. 293 с.

Информация об авторе

ГОРЕЛИКОВ Евгений Сергеевич. Кандидат военных наук. Преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Б.Садовая, д. 14. general85@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 сентября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Adu Ya.N., Bokeriya S.A., Degterev D.A., Mezyaev A.B., Shamarov P.V. Non-Western Peacemaking as a Factor in a Multipolar World: Outlines of a Research Program. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2023; 23(3):415–434 [In Russian].
2. Amara D., Degterev D.A., E'gamov B.X.u. "Common Interests" in UN Peacekeeping Operations in Africa: An Applied Analysis of Personnel. Problemy nacional'noj strategii [Problems of the National Strategy]. 2022; 2(71):76–101 [In Russian].
3. Biguaa B.G. The Use of Armed Forces in the Framework of Preventive Peacekeeping Operations: International Legal Issues: Theses ... CandSc (Law): 12.00.10. Moscow, 2003. 194 p. [In Russian].
4. Gilimov S.K. Legal Problems of Conflict Prevention and Resolution in the Territory of the CIS Member States: Theses ... CandSc (Law): 23.00.04. Moscow, 2003. 167 p. [In Russian].
5. Military Law: Monograph. In 3 vol. / M.V.Konoxov, V.M.Koryakin, A.V.Kudashkin [at al.]; the general ed. of A.N.Savenkov, A.V.Kudashkin. Moscow: ООО «Centr Pravovy'x kommunikacij» [Center for Legal Communications LLC], 2021. 598 p. [In Russian].
6. Lyamzin A.V., Elanceva N.S., Nikolaev Yu.V. UN Peacekeeping Operations: The Main Directions of Evolution. Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Law Journal]. 2019; 1: 37–46 [In Russian].
7. Ostapenko O.Yu. Constitutional and Legal Regulation of Interstate Relations of the Russian Federation: Theses ... CandSc (Law): 12.00.02. Moscow, 2005. 218 p. [In Russian].
8. The Legal Status of Military Police Units on the Territory of Foreign States. Wartime Legislation: Lessons from the Past and Modern Challenges: a Collection of Scientific Articles, Moscow, November 19, 2021, Moscow: Rossijskij gosudarstvenny'j universitet pravosudiya [Russian State University of Justice], 2022:285–289 [In Russian].
9. Romanchuk S.I. Peacekeeping Operations in the Post-Soviet Space: Conceptual Approaches: Theses ... CandSc (Political): 23.00.04. Moscow, 2015. 218 p. [In Russian].
10. Samojlov V.D., Alimov S.Yu. The Rights and Freedoms of Veterans and Participants in Combat Operations in the Commonwealth of Independent States (Constitutional and Legislative Aspects): Monograph. Moscow: Rusajns [Ru-Science], 2019. 293 p. [In Russian].

About the author

Evgenij S. GORELIKOV. CandidSc. (Military). Lecturer at Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Address: 14, B.Sadovaya str., Moscow, 123001, Russian Federation. general85@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 25, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.